Slavica Wratislaviensia CLXV • Wrocław 2017

DOI: 10.19195/0137-1150.165.5

ANNA BOLEK

Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach Siedlce, Polska

Что само в очесях являлося, то и писалося... Князя Николая Радзивилла Сиротки описание диковинных животных в его Путешествии в Святую Землю

Среди многочисленных переводов с польского языка, появившихся в Московской Руси во второй половине XVII века, *Путешествие в святую землю*... князя Николая Радзивилла Сиротки пользовалось необычной популярностью. О степени известности этих путевых заметок свидетельствует как большое число сохранившихся списков с тремя редакциями текста (их 13), так и данные владельческих штампов и заметок на страницах диариуша, указывающих на то, что сочинением польского автора живо интересовались представители московской культурной элиты (Федорова 2014: 2–24).

Путешествие Сиротки получило распространение не только в Московии, но и дождалось полутора десятка изданий в разных городах Европы. Несмотря на многочисленные перепечатки и рукописные копии, история оригинального авторского текста Путешествия до сегодняшнего дня до конца не выяснена.

Князь Радзивилл Сиротка — образованный представитель могущественного и много сделавшего для Польши рода магнатов — в 1582–84 гг. совершил паломничество к гробу Господню в Иерусалим, а потом отправился в Египет. После возвращения в Несвиж в 1590–91 гг. он написал по-польски диариуш своей поездки, однако в печатной версии текст издан не был — его рукописные копии обращались в кругах заинтересованных исключительно в списках.

Путешествие было опубликовано как научное издание только в XX веке (Czubek 1925: 1–177; Kukulski 1962: 1–275). Вместе с тем фурор в Европе произвело латинское переложение труда Сиротки, следанное варминским каноником Т. Третером. Оно было издано в 1601 г. в Браневе и позже ти-

ражировалось в перепечатках в Антверпене (1714), Турине (1753) и Кошицах (1756), а также было переведено на немецкий и русский языки. В свою очередь латинское браневское издание перевел на польский язык известный религиозный полемист А. Варгоцкий. Его *Peregrinacia abo pielgrzymowanie do Ziemie Swiętey* увидела свет в 1607 г. в Кракове и многократно здесь же перепечатывалась в XVII в. (Федорова 2014: 15).

Как показали исследования И. В. Федоровой, которая в 2014 г. опубликовала монографию, содержащую обстоятельное исследование и критическую публикацию русского перевода текста этого памятника, краковское четвертое издание *Путешествия* (1628) было переведено на русский язык в 1677 году. Кроме того, в XVIII веке (1787) появился новый русский перевод латинской версии Т. Третера.

Дореволюционный археограф П.А. Гильтебрандт, характеризуя язык изначального русского перевода отдает ему предпочтение в сравнении с переводом 1787 г., который "ни в каком случае не может заменить старинного русского перевода, придающего своим языком и формами особенный колорит и подобающую предмету повествования важность" (Гильтебрандть 1879: IX).

Как видим, история оригинального текста *Путешествия* представляется достаточно запутанной — сначала диариуш Сиротки усовершенствовал и приготовил к печати в переводе на латинский язык Т. Третер, преподнося его в форме четырех писем к незнакомому адресату, затем латинскую версию перевел на польский А. Варгоцкий, сочинение которого пользовалось в Польше не только неслабеющей популярностью на протяжении почти трех столетий, но также получило широкую огласку в переводе на русский язык в Москве. Эти языковые, стилистические и композиционные переработки, конечно же, отдалили текст от первоначально написанного Радзивиллом, тем не менее принесли автору известность и славу европейского масштаба.

Впрочем, и без посреднической помощи сочинение Сиротки имело все шансы быть вписанным в культурное достояние Европы. Велика заслуга в том самого автора, всестороняя и сильная личность которого подчинила себе живое, эмоциональное повествование — динамичное, несмотря на множество отступлений от главной линии.

Отчет о путешествии отличается большой точностью, его характеризуют дотошные и реалистические описания увиденных мест, сакральных строений, памятников древнего мира, географических объектов и атмосферных явлений, флоры и фауны, а также встретившихся людей... Здесь содержатся потрясающие воображение рассказы о приключениях автора (морской шторм, ограбление разбойниками), дополненные представлением восточных обычаев, элементов фольклора и иноверческих обрядов. Все это показано настолько достоверно, что перестаешь удивляться постоянному исследовательскому вниманию к памятнику со стороны специалистов. Сочинение Сиротки в течение нескольких веков было важным источником информации

о Святой Земле и Египте, являлось почти что справочником по этим местам. Впрочем, и поныне — благодаря столь широкому диапазону сведений — это произведение используется в археологических, исторических, географических и этнографических исследованиях (Федорова 2014: 10).

В своих наблюдениях Радзивилл показательно беспристрастен, не верит вымыслам, напротив, их оспаривает. Наблюдения с перспективы личного опыта, следование принципу "что само во очесех являлося, то и писалося…" трактуется автором как своеобразное кредо (Федорова 2014: 36–37).

Особенности такого восприятия действительности Сироткой я хотела бы проиллюстрировать на примере практики показа автором мира животных. В памятнике отмечено около 70 названий представителей фауны (млекопитающие, птицы, рыбы, земноводные, пресмыкающиеся, насекомые). Среди упомянутых есть обычные, знакомые европейцам животные, на описании их Сиротка, понятно, не останавливается; есть экзотические, но похожие на обитающих на родине путешественника (при их описании автор прибегает к сравнениям), но есть также "бестии", они-то и удостоились особого внимания не только Радзивилла, который посвятил им целые фрагменты текста.

Представим некоторые из этих реалистических и натуралистических описаний на фоне тогдашних в основном мифологических воззрений, распространяемых, в частности, древнерусскими *Азбуковниками*, но ведущими свое начало от античных авторов. Из-за ограниченного регламента публикации остановлюсь на демонстрации только трех животных.

Первым из них — и это не случайно — будет загадочный конь морской: в рѣкѣ видѣли есмы четыре коня морские, зубрамъ нашимъ подобобразные величиною и шерстию, токмо роговъ у нихъ (310¹) нѣстъ. Вредъ великий творятъ в сорочинскомъ пшенѣ, чего ради великие прекопы окрестъ вертоградовъ обведены суть, дабы, понеже тѣ кони ноги ниские имѣютъ, изити наверхъ не возмогли бы. Когда человѣка в огородѣ обрящутъ, кусаютъ его и уѣдаютъ. Стрѣлилося к нимъ из неколикихъ мушкѣтовъ, но аще ли убили, кто вѣстъ, понеже тѣ звѣри велики и силны сутъ, ихъже токмо великое нѣкое ядро или силное стрѣление умерщвляти можетъ. Чаютъ нѣкоторые, что ихъ истое имя одонтотырановъ, яко бы зубаты поганы. Гречане ихъ называютъ анфибиа, сирѣчъ звѣръ, который водою и воздухомъ живъ, на земли живетъ и в водѣ. Пишетъ Кедренъ, что тотъ зверъ толь естъ великий, что слона пожрати можетъ, но сие мало къ вѣрѣнию подобно. [...] болши слона не былъ, в длину же ему равенъ. Когда былъ есмь в Каирѣ градѣ, единаго такова коня главу, недалече оттолѣ убитого, принесено было: звѣрообразный и на воззрѣние страшный отверзтый ротъ, величиною на полтора лактя, гдѣ и зубы страшно великие видѣти было (311).

Представленное таким образом животное замыкает пятерку крупнейших обитателей суши (после африканского и азиатского слонов, белого и индийского носорогов). Арабы именовали его "речным буйволом", египтяне "речной свиньей", а греки гиппопотамом, то есть 'речным конем', на иврите же это парнокопытное носило название бегемот, т. е. 'животные, скоты' — во

¹ Все цитаты из перевода текста Радзивилла Сиротки приводятся по изданию (Федорова 2014: 202–410), а польские примеры по изданию (Peregrinacya 1628: 1–354).

множ. числе. Именно последний из названных этимологических признаков проявился в библейской трактовке бегемота — это скорее мифический зверь, существующее наряду с Левиафаном чудовище, идентифицированное позже как демон плотских желаний².

В III-м веке римский писатель Гай Юлий Солин, автор популярного географического труда *Собрание достопамятных сведений*, писал о гиппопотаме:

У него лошадиная спина и грива, ржет он также по-лошадиному, морда задрана вверх, копыта раздвоены, зубы, как у кабана, закрученный хвост. Ночью он пасется на лугах, причем, опасаясь засады на обратном пути, пробирается туда задом наперед. Случается, что гиппопотама от переедания раздувает. Тогда он ищет свежесрезанный камыш и ходит по нему, пока острыми стеблями не изранит ноги, с тем чтобы кровопускание уменьшило тяжесть в брюхе (Гай Юлий Солин 1996: 213).

Однако сочинение Солина имело репутацию популярно-развлекательного, автор ставил целью дать образованной публике занимательное чтение.

Геродот, признаваемый "отцом истории", оказывается куда более реалистичен и конкретен в своих описаниях бегемота:

Наружный вид животного таков: четвероногое, с раздвоенными копытами, с тупым носом, с лошадиной гривой, с выступающими наружу клыками, с лошадиными хвостом и голосом, величиной с самого большого быка. Кожа его толста, что ее засушивают и делают из нее копейные древки (Геродот 1972: 102).

Нередкая для знаменитого историка практика смешения реальности и мифа в данном случае находит воплощение разве что в размещении на бегемоте лошадиных гривы и хвоста, хотя в последнем случае не обойтись без оговорки: мало кто знает, что хвост бегемота на конце усажен жесткими волосами. Кстати, Радзивилл в ином фрагменте рукописи описывает "два прапорца магометовых зеленых, на которых два хвоста коней морских висѣли" (300).

Позднейшие греческие и римские писатели — вплоть до Плиния — также довольно верно характеризуют внешний вид, нрав и привычки этого животного.

Тем удивительнее выглядит наблюдаемое потом нарушение преемственности в передаче информации³. Вплоть до XV-го, а, может, даже XVI-го века животное чаще описывается и соответственно представляется на рисунках и гравюрах как существо, несущее признаки, заключенные в этимоне слова *гиппопотам* (др.-греч. їππος 'конь, лошадь' + ποταμός 'река'). В результате ро-

 $^{^2}$ "Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он ест траву, как вол; вот его сила в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его; поворачивает хвостом своим, как кедром; жилы же на бедрах его переплетены; ноги у него, как медные трубы; кости у него, как железные прутья" (Иов 40:10-13).

³ Исключением в этой связи было, конечно же, описание бегемота швейцарским учёным-энциклопедистом Конрадом Геснером (1516–1565), одним из первых попытавшихся систематизировать накопленные человечеством сведения о животных и растениях. Его пятитомная *История животных* сыграла большую роль в распространении и систематизации зоологических знаний (о бегемоте: Gesneri 1558: 417).

репр.1.Гравюраизкниги: S. Münster, *Cosmographia*, Basel 1550, s. 1158, http://dl.ub.uni-freiburg.de/diglit/muenster 1550/1233 (доступ: 30.08.2017); © Universitätsbibliothek Freiburg i. Br., J 4763,d

ждался образ "коня речного" или "водного" — чудовища, в котором доминировали приметы лошади.

Вот несколько тому примеров из Славянского бестиария:

Іспопотамъ есть зверь водный и тако же видом яко конь, шерсть пестра, ястъ ѕѣло много и от непрестанного насыщения часто болѣзнуетъ и отягчается велми; Конь есть водяной чернь подобенъ коню, а зубы имать велики, и един зуб вѣсомъ ·гі· литръ. В лицевых же списках Христианской топографии конь водный изображен в виде копытного животного с головой собаки или волка; как обыкновенный конь; иногда с высунутым языком; с двумя или тремя клыками (Белова 2001: 136, 147).

Радзивилл Сиротка, хоть и называет гиппопотама против обыкновения не "речным", не "водным", а "морским конем", считается первым, кто описал животное столь фактографически точно (см. Litwornia 1985: 272) и выразил при этом сомнения в достоверности существующих слухов. Переводчик, стараясь следовать оригиналу, также называет бегемота "морским конем" — и это единственная в старорусских кириллических текстах фиксация (СРЯ XI–XVII: 289). Попытка же пояснения этого понятия путем калькирования описательного греческого оборота — обоут[ω тή] тύρανуоς 'зубатые тираны' — толмачу явно не удалась: он не распознал опорное слово в словосочетании

⁴ С.Б. Линде в своем словаре при толковании сочетания "koń morski" подает как соответствие латинское *Trichechus rosmarus*, т. е. *морж*: "Koń morski [...] mieszka w morzu pólnocnym" — в отличие от другого животного: "Koń rzeczny, hippopotamus [...] w rzekach Afrykańskich" (Linde: 1063). "Ciekawe jest, że jeszcze w XVIII w. te różne zwierzęta — żyjącego w Arktyce morsa i żyjącego w Afryce hipopotama — pomieszał nawet tak dobry przyrodnik jak Gabriel Rzączyński" (Brocki 1977: 295).

и вышло недоразумение: "их (морских коней) истое имя одонтотыраны яко бы зубаты поганы (sic!)"⁵.

Для того, чтобы лишний раз убедиться в точности описаний Радзивилла, достаточно открыть знаменитый труд Альфреда Брема Жизнь животных. Спустя столетия при представлении поведения бегемота он почти вторит Сиротке: это животное

опустошает все, нередко в одну ночь уничтожает растения целого поля. Прожорливость бегемота непомерна [...] они топчут своими неуклюжими ногами и ломают [...] гораздо больше, чем им в действительности нужно для насыщения. Пожирают все виды культурных растений и овощи [...] Может быть опасным для жизни человека и животных. [...] Легкие ружейные пули, пущенные даже на весьма небольшом расстоянии, не имеют почти никакого успеха (Брем 2000-II: 281, 284–286).

Совсем недалеко от того места, где довелось Сиротке увидеть "коней морских", указано нам крокодила звъря, когда плылъ чрез Нилъ; но ради отстояния мъстъ не возмогли его явственно увидъти, однако же во время хребетъ плавающаго видъти было, егда поигрывалъ, аки делфинъ зверь на мори. Знатно, что не былъ вящиий (мерныя — по другому списку) сажени. Здъ немного ихъ обрътается для густыхъ деревень и люднаго ради града Каира, но повыше Каиру к Усаиту граду зъло много, и мало не трехъ саженъ величиною. Азъ видъхъ есмь еднаго (аще неживаго) десяти аршинъ величиною (348).

Наиболее известный из всех крокодилов — нильский — издревле служил объектом внимания авторов, оставивших и его верные описания, и баснословные рассказы о нем. И если представление этого животного Геродотом мало противоречит действительности⁶, другие античные авторы, например, "Аристотель, Диодор Сицилийский, Сенека, Страбон, Плиний, Плутарх, Максим Тирий, Дий Кассий, Элиан, Флавий Вописк и Аммиан Марцеллин [...] бесхитростное описание этого писателя (Геродота — А.Б.) украсили различными сказаниями" (Брем 200-І: 60–61). Еще в средневековой Европе заморское чудище сделалось персонажем язвительной басни, поскольку якобы было замечено, что крокодил проливает слезы во время пожирания своей жертвы. О "крокодильих слезах" упоминает и русский Азбуковник XVII века: "егда (крокодил) имать человека ясти, тогда плачет и рыдает, а ясти не перестает... главу от тела оторвав, зря на нее, плачет" (Белова 2001: 148).

⁵ В другом из списков перевода ошибка сохраняется, хоть и не так бросается в глаза — *зубаты тураны*.

⁶ "Четыре зимних месяца крокодил ничего не ест. Хотя это четвероногое и земноводное животное, но кладет яйца в землю и высиживает их. Большую часть дня крокодил проводит на суше, а ночь — в реке. [...] достигает длины в 17 локтей и даже более. У крокодила свиные глаза, большие зубы с выдающимися наружу клыками в соответствии с величиной тела. [...] У него также острые когти и чешуйчатая твердая кожа на спине. Слепой в воде, крокодил, однако, прекрасно видит на суше. Так как он живет в воде, то пасть его внутри всегда полна пиявок" (Геродот 1972: 101).

Описание крокодила Сироткой — реалистическое и скупое из-за невозможности явственного наблюдения — наряду со сравнением "поигрывалъ, аки делфинъ зверь на мори" содержит лишь одну подробность — указание на величину животного.

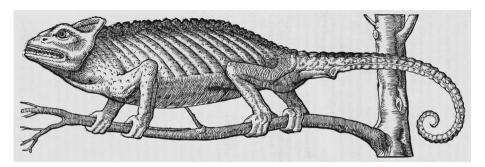
Нильский крокодил (лат. *Crocodylus niloticus*) является крупнейшим крокодилом в Африке, но уступает гребнистому крокодилу, обитающему в юго-восточная Азии, на Филиппинах и Соломоновых островах. Самцы *Crocodylus porosus* могут достигать 7 м длины, а регулярно вырастают более 5 метров. Средний же размер нильского крокодила колеблется от 3 до 4,5 м.

Радзивилл, оценивая величину увиденной рептилии — всего в сажень — отдает себе отчет в том, что экземпляр ему на глаза попался небольшой, ведь, по рассказам, здесь встречаются крокодилы мало не трехь сажень, да и сам он видел еднаго (аще неживаго) десяти аршинь величиною — что давало бы в пересчете в обоих случаях свыше 6 метров⁷. Однако не стоит усматривать в словах путешественника сознательной прикрасы, ведь, как замечает А. Брем, "крокодил, имеющий 5 метров в длину, представляет из себя на самом деле исполинское чудовище, но кажется невооруженному глазу еще длиннее, чем в действительности" (Брем 2000-I: 65).

Если о внешнем виде и повадках бегемота и крокодила Сиротка мог судить только по мимолетным впечатлениям от встречи с животными, то знакомство князя со следующим представителем экзотической фауны шапочным не назовешь. Вот что об этом пишет сам путешественнник:

Зд'в достойно, дабы н'вчто о хамелидне животномъ воспоминулося, когда есмы трехъ в семъ монастыр' видъли на древахъ (392) масличныхъ, гдъ ихъ держано. Образомъ и величиною равно ящерицъ, не кусаетъ, рта бо не имъетъ, ниже бо ядениемъ, ни питиемъ каковым, токмо самъмъ воздухомъ живетъ. Дирку имъетъ меншее зерна перца, имъ воздухъ в себъ приемлетъ. Яду никакова в себъ не имъет, хождение или шествие его зъло лънивое, так что весь день едва на единъ локоть уползаеть. На руку его положивъ (яко бо не есть гнусное) едва рушится, дондеже его на землю посадишъ, с древа никогда не сходитъ. Пременение по немъ рѣдко на тълъ чернъется. Цвътъ и краску отмъняетъ и таковою украшается, к какой прикоснется, кромъ красной и желтой, чего мы многажды испытали есмы, но знаки ево, которые суть на немъ черные, не премѣняются, токмо сама кожа. Очи выпуклы у него, веселые и круглые: единѣмъ вверхъ, другимъ внизъ, и абие того же часа пред собою и за собою смотря видитъ. Когда его на красну какую посадишь, а над нимь иную повъсишь, на обое вдругъ смотрить; посемъ, которой прилѣжнее присматривается, тую на себе брати зачинаеть, яко бы за "Отче нашь" проговорити, даже весь такимъ цвътомъ станетъ, кромъ своихъ природныхъ знаковъ черныхъ. Посадилъ есмь его на бъломъ, на зеленомъ, на лазоревомъ и на черномъ сукнъ, таковъ и цвътъ весь принялъ на себе. А когда посадиль есмь на красномь, тогда оста в своей кожи, не отмѣнень. Желтого тогда не прилучилося, но сказывають, что на немъ не отменится. Никогда не чистится, занеже ничево не ѣстъ, воздухомъ толко живъ, такожде есть затворенъ и цѣлъ (293).

⁷ Сажень — старорусская единица измерения расстояния. В XVII в. основной мерой была казённая сажень, равная 2,13 м, и содержащая три аршина (72 см) по 16 вершков.

репр. 2. Гравюра из книги: C. Gesneri, *Historiae animalium*, Liber II, Tiguri 1554, s. 3; Zentralbibliothek Zürich, DOI: 10.3931/e-rara-8151

Представленное описание хамелеона, к тому же подвергнутого Радзивиллом своеобразным тестам на предмет исследования повадок, лишь по двум параметрам отличается от известных нам ныне характеристик рептилии. Утверждением, что хамелеон рта [...] не имъетъ, ниже бо ядениемъ, ни питиемъ каковым, токмо самгьмъ воздухомъ живетъ, Радзивилл лишний раз разделяет существовавшее тогда еще мнение, впервые высказанное, кажется, в Естественной истории Плиния (см. Лункевич 1960: 121). Родилось оно вследствие наблюдений за животными, которые могут оставаться абсолютно неподвижными по несколько часов подряд и как будто бы не нуждаются в пище (хамелеонов, попавших в европейские зоосады, ничем не кормили — (Мироненко 2012: 105), а еще потому, что в "охотничьей" позе они раздувают горло, как бы вбирая в себя воздух. Мнение, что для обеспечения жизнедеятельности странной ящерице этого достаточно повсеместно бытовало в течение многих веков — вплоть до XVI-XVII ст. Подтверждения тому находим даже в художественной литературе — в произведениях Шекспира⁸ и Джонатана Свифта⁹.

Второе заблуждение Радзивилла в отношении хамелеона носит отнюдь не безусловный характер. Традиционное мнение о том, что эти животные изменяют окраску тела для мимикрии, оказывается настолько прочным, что выводы ученых, опровергающих этот стереотип ^{10} , до сегодняшнего дня не получили должного признания. При оценке экспериментаторских проб поль-

⁸ См. Шекспир, *Гамлет*, акт III, сцена 2: Король: "Как здравствует принц крови нашей, Гамлет?" Гамлет: "Верите ли — превосходно. По-хамелеонски. Питаюсь воздухом, начиненным обещаниями".

⁹ "Самым острым языком среди животных обладает хамелеон, который, если верить рассказам, питается одним лишь воздухом" (Свифт 2008: 289).

¹⁰ Исследования показывают, что изменения окраски тела хамелеонов происходят не только под действием внешних раздражителей — температуры, света и влажности, но и зависит от эмоционального состояния рептилии, реагирующей на состояние голода, жажды, испуга и раздражения. Чаще же всего хамелеоны используют изменение цвета для коммуникации с представителями своего вида.

ского естествоиспытателя по выявлению спектра цветовой гаммы хамелеона отметим, что заключения о невозможности "отмен" цвета тела в красный и желтый действительности не соответствуют¹¹. По всей видимости, Сиротка чрезвычайно деликатно обходился с животным, поскольку у хамелеона красный цвет в сочетании с желтым приходит на смену обычной окраски в состоянии раздражения.

Как мы старались показать на примере путевых заметок князя Николая Радзивилла, практика регистрации экзотической действительности — в частности, фауны — в XVII веке заметно отходит от сложившейся прежде традиции мифического восприятия мира. Ранее полученные знания — в том числе и географические — во многом сохранялись, умножались и передавались из поколения в поколение в виде легенд и рассказов. В сознании даже подготовленных натуралистов-наблюдателей реальное тесно переплеталось со сверхъестественным, а новые сведения, полученные в дальних путешествиях, не только воспринимались, но и излагались через призму мифов, а потом и сами становились их частью.

Начало освобождения зоологии из плена домыслов приходится на XVI век, но еще не одно десятилетие точные описания соседствуют со старыми представлениями, предопределяя довольно органичное сочетания географии реальной с мифологической. Радзивилл Сиротка, как видим, не соглашается на искажение действительности и показ ее на основе вымышленных источников.

Библиография

Источники

Федорова И.В., 2004, Путешествие в Святую Землю и Египет князя Николая Радзивилла и восточнославянская паломническая литература XVII—начала XVIII в., Санкт-Петербург. СРЯ XI-XVII — Словарь русского языка XI-XVII вв., вып. 7, 1980, Москва. Linde S.B., Słownik języka polskiego, t. I, cz. 2, 1801, Warszawa. Peregrinacya abo Pielgrzymowanie do Ziemi Świętej Mikołaia Christofa Radziwiła..., Kraków.

Литература

Белова О.В., 2001, *Славянский бестиарий*, Москва. Брем А., 2000-I, *Жизнь животных. Рептилии*, Москва. Брем А., 2000-II, *Звери*, т. II, Москва.

¹¹ "В цвете его кожи встречаются все переходы от оранжевого через желто-зеленый до сине-зеленого и оттенки и переливы всех этих цветов в отдельности, переходящие через серый или серо-бурый в черный, белый, мясо-красный, ржаво-бурый, фиолетово-синий и синесерый" (Брем 2000-I: 342).

- Гай Ю.С., 1996, *Собрание достопамятных сведений*, [в:] *Знание за пределами науки*, ред. И.Т. Касавин, Москва, с. 198–229.
- Геродот, 1972, История в девяти книгах, Ленинград.
- Гильтебрандтъ П.А. (подг.), 1879, *Похожденіе въ Землю Святую князя Радивила Сиротки*. 1582–1584, Санкт-Петербургъ, приложеніе к XV тому "Известий Императорскаго Русскаго. Географическаго общества".
- Лункевич В.В., 1960, От Гераклита до Дарвина. Очерки по истории биологии, т. I, Москва. Самые необычные и диковинные люди и звери, стоящие на грани исчезновения, ред. О. Мироненко и др., 2012, Москва.
- Свифт Дж., 2008, Собрание сочинений, т. 3: Дневник для Стеллы: письма XLII-LXV; Битва книг; Памфлеты и эссе..., Москва.
- Brocki Z., 1977, Kilka uwag o identyfikacji zwierząt ukrytych pod dawnymi nazwami, "Język Polski", LVII, s. 294–297.
- Czubek J., 1925, Mikołaja Krzysztofa Radziwiłła peregrynacja do Ziemi Świętej (1582–84), "Archiwum do Dziejów Literatury i Oświaty w Polsce", t. 15 (1925), cz. II, Kraków.
- Gesneri C., 1558, Medici Tigurini Historiæ animalium, lib. IIII: qui est De piscium & aquatilium animantium natura: cum iconibus singulorum ad viuum expressis ferè omnibus DCCXII, Zurich.
- Litwornia A., 1985, Radziwilł Mikołaj Krzysztof, [w:] Literatura polska. Przewodnik encyklopedyczny, t. II, Warszawa, s. 272.
- Mikołaj Krzysztof Radziwiłł Sierotka, "Podróż do Ziemi Świętej, Syrii i Egiptu 1582–84", oprac. L. Kukulski, 1962, Warszawa.

"I described things that caught my eye..." Prince Nicholas Radziwiłł the Orphan's account of peculiar animals in his *Pilgrimage to the Holy Land*

Summary

The paper analyzes descriptions of three exotic beasts (hippopotamus, crocodile and chameleon) in Count Nicholas Radzivill's travelogue *Pilgrimage to the Holy Land and Egypt*. Giving his first-hand impressions of the world totally unknown for the Europeans, the author endeavors to factually represent it basing on his own previous experience. This mode of representation, sheer devoid of mythological and fictional dimensions, is also applied to the fauna which was the object of the Author's close attention. Taken against the background of the contemporary, predominantly mythological (antique and medieval) images of the beasts, the study of the representational mode applied by The Orphan allows to look upon the Polish traveler as a reliable, inquisitive and sensitive observer.

Keywords: Nicholas Radzivill the Orphan, pilgrimage, hippopotamus, crocodile, chameleon

"Co samo w oczach jawiło się, to i pisało się..." Księcia Mikołaja Radziwiłła Sierotki opisanie zwierząt osobliwych w *Peregrynacji do Ziemi Świętej*

Streszczenie

W artykule przeanalizowano opisy trzech egzotycznych zwierząt (hipopotama, krokodyla i kameleona) z diariusza podróży do Ziemi Świętej i Egiptu księcia Mikołaja Radziwiłła Sierotki. Jego autor, opisując nowy — nieznany Europejczykowi — świat, starał się przedstawić go faktograficznie z perspektywy własnych doświadczeń i spostrzeżeń. Ten sposób przekazu, odcinający się od wymysłów i mitów, dotyczy również świata zwierząt, których Radziwiłł był bacznym obserwatorem. Rozpatrzenie prezentacji przez Sierotkę trzech "bestii" na tle panujących wówczas mitycznych — antycznych i średniowiecznych — wyobrażeń o nich pozwala ujrzeć w relacjach wiarygodnego, dociekliwego, lecz także wrażliwego autora.

Słowa kluczowe: Mikołaj Radziwiłł Sierotka, pielgrzymka, hipopotam, krokodyl, kameleon